

Леонид КУЗЬМИН

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР

***

Я любил бы Вас и той,
кто не трогает, не снится,
не волнует красотой,
не тревожит так, что спиться –
лучший выбор моряков,
потерявших в шторме пеленг,
а в провалах облаков –
и маяк, и порт, и берег...
Я любил бы Вас и той –
неприметной, не лучистой...
Тонок мой сосуд с мечтой.
Донесу – не дам разбиться!

ВОСПОМИНАНИЕ

Меня потряс птенец
какой-то водной птицы.
Я шёл по берегу большой воды.
Уже был холоден тот день,
А он, птенец, так беззаботно шлёпал
своими спичечными лапками
по мокрому песку
и, не боясь меня, блестел мне в душу
бисеринками глаз.
Он был один – без мамы и без папы,
и даже без осколков
разбитого носиком яйца.
Он был один на сотню вёрст вокруг.
Он был комочком жизни
и вечным символом её.

ПЛАНЕТА СССР

Ах, планета, в своём обращении
Вкруг светила ты вечно права.
Но люди всё просят прощения,
Но люди опять произносят слова.
А слова те взрывом ракеты
Всё звучат, как крушение сфер:
Где ты, где ты, о, где ты
Планета С-С-С-Р?!

Земля продолжает вращенье,
Земля бережёт население.
Но оно не верит уж музам сфер
И плачет, что нет нам прощенья
За гибель планеты СССР!

СТАРОСТЬ

Становятся редкими встречи,
Становятся частыми проводы,
И ранее страстные речи –
Ныне скупы и холодны.
Всё реже взгляды на звёзды,
Всё чаще – взгляды на землю,
И право считать отъезды
Я за счастье участия приемлю.
Всё реже вопрос: «Что накопили?»
Всё чаще: «Сколько осталось?»
Вот и не дожили, не прожили.
И всё это зовётся «старость».

***

В то лето кратко мне кукушки куковали.
В то лето часто шли холодные дожди,
И девушки, уснув на сеновале,
Кому-то говорили: «Подожди!»
Стояла рожь некошеной стеною,
А сеятель в больницу был свезён. –
Враждебный вирус вился над странюю,
И мир был в славословье погружён.
Всходили луны с их невинным ликом –
И звёзды плакали с нелётанных высот,
И лишь поэты называли мир великим.
А мир был мал. Но маленьким везёт!

ДОМ

Как дом был жив,
Как наполнялся ветром,
И как распахивал он окна,
Свои глаза, глядящие открыто –
То радостно, то грустно, то серьёзно.
А двери – как они звучали! –
Скрипели, пели и пружинно выли,
И вечно – в снег и в грязь,
И в пыль – потом обратно:
В надёжное домашнее тепло,
Где он дымил печами, плитами
И тем, что там шипело, булькало,
Как в чреве великана, жаждущего пищи.
А как он пах – то летами, то зимами,
То вёснами, похожими на осень,
То осенями, сродными весне.
Как дом был жив!
И свадьбами, и плясками, и дракой
Котов, людей, сбивавшихся в клубки,
И плачем жён, сестёр и братьев малых,
Потом мирившихся и заливавших смехом
Все комнаты, все коридоры и площадки,
Где до сих пор мне слышно эхо
И смеха этого, и этих слёз...
А как сурово дом молчал в войну,
И как вздыхал потом, неся
Киоты фотографий, всё более
Страдающих от недостатка взглядов,
А потом и взглядов пореденья...
Теперь мы с ним созвучны
Лишь скрипением – он досок,
Я – своих костей.
Я по нему люблю ходить,
Особенно люблю под вечер это делать,
Когда мы оба смотрим в небо
И, редкие завидев звёзды,
Скрипим, скрипим, скрипим...
И живы оба мы, пока под звёздами
Скрипим!

ТРИЗНА

Пожалуй, вряд ли кто придёт
из тех, кто ныне тризну правит,
чтоб посмотреть на твой уход,
а словом – заклеить или восславить.
И потому достойно помолчи,
коли уходит недостойный. –
Хоронишь друга – сердцем лишь кричи:
пусть видит враг тебя спокойным.

***

Где-то там снова зреет война
между нами и ими.
Между нами и ими
неизбежна она:
мы не отступим, не станем другими.
Мы опять тяжело победим.
Снова мир обретёт божье имя. –
Но достанется нам, но достанется им
вечный меч между нами и ими.

УТЕШЕНИЕ

Коль бросят все до одного,
И слабодушие взыграет,
Знай: в доме детства твоего
Судьба конфетку выбирает.
И той конфеткою она
Тебя попотчует, как нянька –
И выбросит украдкой из окна
Твоих печалей ваньку-встаньку.

***

...И падал снег на мёртвую листву,
Не убранную так мудро коммуналкой.
Смоленск главу клонил к Днепру и к Рождеству
И покрывался, словно гарью, галками.
Мы опечаленно стояли у ворот
Навеки бурям растворённой крепости.
Из нас двоих был ближе к Богу тот,
Кто никому не клялся в вечной верности.

***

Должна была мама купить
Хлеба, микстуру и свечку
Да больному мне истопить
Нашу старую русскую печку...
Неведомы жизни пути.
Свечи в ночи на исходе.
Должна была мама прийти,
Да который уж год не приходит.

***

Мы все умрём, не дописав
Строки последней в тексте главном.
Нам ни молитва, ни устав
Не облегчат полёт наш странный –
От той земли, где родились,
До ямы той, в своём ли, в чуждом ль поле,
Но тот – поэт, кто и у могилы видит высь,
Кто волю видит из неволи!

ПРИЗНАНИЕ СМОЛЕНСКУ

Мой Смоленск – между берегом и Богом,
Между небом и твердью – так, что
Я бегу от фонемы до слова, до слога
В твою честь, в твою славу – вот что.
Ты ж – моё всё: мой закат, моё завтра,
Моя Одигитрия и Орлы в старом сквере,
Моя гороухша, напев деревенский – не мантра.
В тебя, как в судьбу нашу общую, – верю!

***

Останутся лучшие книги,
А книги плохие сгорят,
И вечных звёзд перемиги
Поймут твой единственный взгляд,
Поймут наше юное завтра
И старое наше вчера,
И то, что однажды обратно
Прилетят птичьи стаи добра.

***

О, август мой! Пора сводить итоги
Тому, кто их заведомо бежит,
И осени, стоящей на пороге,
За опоздание не ставится на вид.
Прочтённых книг топорщатся страницы,
Но их немного – вновь уступка голове
И лёгким снам, светлы в которых лица
У барышень, сидящих на траве.

***

Уснув вблизи могил великих,
проснусь – как будто виноват,
что не запомнил имена и лики,
но чувствую, как я богат
былым страны моей огромной –
былое больше с каждым днём,
и, коль убьют нас войн жестоких громы,
в родном былом мы не умрём

ТРИПТИХ НА СМЕРТЬ МОЕЙ МАМЫ

1.

Солнце горело – погасло.
Леса стояли – упали.
Сёла цвели – увяли.
Птицы летели – в небе застыли,
Как на полотнах Брейгеля.
Реки журчали – замолкли.
Дети мгновенно старцами стали. –
И понял я: умерла моя мама.

2.

Ягоды под снегом
на могиле старой.
Я приехал к маме
на несколько минут
прервать одиночество,
которому длиться и длиться –
до нашего воссоединения.

3.

Я помню, когда умерла моя мама,
как слетелись они на меня
ласковыми голубками
и как бойко они теребили бобы
моих спутанных слов,
словно пытаюсь пробиться
к сердцевине любви –
материнской, сыновьей, девичьей.
Я помню, как больно они
били в память мою,
эти прекрасные, сильные птицы,
эти трудные, долгие годы,
которые прожила на земле моя мама.

ТРЕУГОЛЬНИКИ

Нас сшибали, словно ветром,
Треугольные конверты.
Как над ними мы кричали –
Как они потом молчали
И, как парусники, плыли
Над землёй, для всех могильной.
Как потом мы в них читали,
Кем отцы для всех нас стали. –
А для нас ведь – птичьим клином,
Треугольником любимым...

В ОКОПЕ

У меня нет слов. –
Были руки, ноги.
Пулемёт готов.
Я топчусь в тревоге:
Сеня, друг, ты как?
Выдержим, дружище?
Ровно, как пятак,
У окопа днище.
Чище, чем дитя,
Мосина винтовка.
Жизнь моя и смерть моя –
Всё – наизготовку...

Откопав патрон,
Обрадуется мальчик.
А мы – ваш плеск знамён.
Дождь наших имён
Над планетой плачет.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР

У нас с отцом не вышло спора,
Кто прав в войне, кто виноват. –
Так хлеб не спорит с комбайнёром:
Откуда дождь сто дней подряд? –
Не вышло недопониманья
Между кудрявым молодцом
И мальчиком грудного пропитанья:
Отец в бреду уснул тем сном,
Которым тихо спят солдаты –
Убиты были ль на войне,
Или пришли, как будто виноваты,
Что год-другой пожить в стране,
Уже от нечисти свободной,
Им предстоит, крича от ран,
Скорбя, что краток век голодный,
Что не дожить до слова «ветеран»;
Что им, воякам, не удастся
Почувствовать, что значит мир,
И что в великом государстве
Им не вручат ключи квартир,
А будут только на собраниях
Их всеу вспоминать... А тем,
Кто лёг без ордена, без званья,
Рукоплеснут, чтобы забыть затем.
Расплатятся со вдовами заначкой
Любвеобильного Кремля,
Дождавшись, чтоб статистику не пачкал
Тот, кому вечный клад – земля!
У нас с отцом не вышло спора,
Кто прав в войне, кто виноват...
Но этот фильм без режиссёра
Был чётко моим сердцем снят!

РАЗДУМЬЕ

Уже положено и мне
искать свой остров невозвратный –
да вот, в вечерней тишине
сверчок на листике тетрадном
одно и то же ножкой трёт
о своё блеклое крыло:
а кто словечки соберёт,
чтоб людям жилось весело? –
И чтобы не было войны,
чтоб люди были всем довольны.–
Ах, остров мой, где те челны,
Когда вокруг такие волны? –
Нет, не доплыть мне до тебя,
не отыскать в тебе приюта...
Что ж я не плачу, беребя
листок тетрадный, почему-то?

***

Как радостно грачи горланят
Над стройкой и ремонтом своих гнёзд!
Как я хочу быть тем же самым занят,
Пересмотрев всю жизнь свою всерьёз. –
Как многое разрушил я в суетах,
Как многое не додал я родным!
Вы мне, грачи, – упрёком и советом...
Да вот, как трудно стать вновь молодым!

ПАМЯТИ ВСЕХ НАШИХ, ПОГИБШИХ НА ДОНБАССЕ И НА УКРАИНЕ

Я верю, что русские семьи,
опираясь на память веков,
слезами уйдя от веселья,
дождутся своих сынков –
и, словно со звёзд далёких,
дождутся с чужих полей. –

Не будете вы одиноки,
потерявшие сыновей! –
Мы с вами и с ними навечно,
обретая Россию-семью
и поправшую смерть человечность,
не утраченную в бою.
Я верю, ребята: вас

встретим

не в скульптурных подобьях –

в живых,

и, если хватит цветов на планете,
к вашим стопам и стопам ваших мам
все, до единого, сложим мы их!